

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ЧАСТНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛОВ В ЮКАГИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Атласова Элида Спиридоновна

К.филол.н, доцент, Северо-восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова
atlas_elli@rambler.ru

TO THE QUESTION ON THE STUDY OF PRIVATE FORMS OF VERBS IN YUKAGIR LANGUAGE

E. Atlasova

Summary. The article discusses the features of particular forms of verbs in the Kolyma dialect of the Yukagir language. The author focuses on the fact that the verb «to have» as a possessing verb, similar to the corresponding verb in Russian, is absent in Yukagir, and therefore verb forms formed from nouns using suffixes are used to express predicative possessiveness in speech n'e or n'. The article discusses methods for the formation of proprietary verbs of the Yukagir language (using the verb of possession as an example), gives examples of the use of these verbs in speech.

Keywords: Yukagir language, verb of possession, proprietary (particular) form, suffixes -n'e-, -n'.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности частных форм глаголов в колымском диалекте юкагирского языка. Автор акцентирует внимание на том, что глагол «иметь» как глагол обладания, подобный соответствующему глаголу в русском языке, в юкагирском отсутствует, в связи с чем для выражения в речи предикативной посессивности (притяжательности) используются глагольные формы, образованные от имен существительных при помощи суффикса -н'э- или н'. В статье рассмотрены способы образования проприетивных глаголов юкагирского языка (на примере глагола обладания), приведены примеры употребления этих глаголов в речи.

Ключевые слова: юкагирский язык, глагол обладания, проприетивная (частная) форма, суффиксы -н'э-, н'.

Юкагирский язык является одним из уникальных наречий, богатство звуковых и словообразовательных данных которого имеет историю, исчисляемую десятками тысяч лет. Морфология этого языка является не только важнейшим средством выражения бытийных моментов юкагириков, но и выступает живым средством языковой эмотивности, сопровождающей и усиливающей эмоционально-экспрессивную нагрузку [2; 9].

Так, при описании давно прошедших событий является распространенной частная форма глагола, имеющих суффикс -нун-.

Например,

«Тук-л 'уорит 'эбанэ т 'амуод 'э-м олод 'эк вэ-лтиэнункумлэ' (На этом игрище большой приз вешали...)» (из записи М. И. Турпановой, 2005) [7; 9].

Совместное употребление суффиксов -ну- и -нун- указывало на повторяемость, регулярность или длительность какого-либо действия, а также множественность субъекта действия [5; 8].

С точки зрения П. Е. Прокопьевой, использование глагольных форм с данными суффиксами, как правило, обуславливало употребление лексики эмотивно-экспрессивного характера, в связи с чем такие формы (таксисные) глагола характеризовали тот аспект, при котором описываемое действие или ситуация, обозначенные этим глаголом, были предварены упоминаемой в повествовании ситуацией [9].

Необходимо также отметить, что колымский диалект юкагирского языка характеризуется агглютинирующей, частично диффузионной (проникающей) и суффикс-доминантной морфологией. Его лексемы представлены существительными, наречиями, постпозициями [13], частицами и, конечно же, глаголами.

Отсутствие прилагательных в юкагирском языке как отдельных грамматических категорий обуславливает формирование особых функций юкагирского глагола, в рамки которых входит выражение существующих свойств. Подобная транзитивность морфологически проявляется в одной из конечных глагольных формообразований таким образом, что конечная форма глагола в индикативе выражена объективным действием,

совершаемым в пределах того или иного времени в контексте созерцательности по отношению к самому действию. Отношения самого субъекта к данному действию им не определяются, но в рамках двух разных парадигм согласования переходной и непереходной форм имеют взаимосвязь, указывающую на объект или субъект.

Об этой особенности юкагирского глагола очень наглядно повествует Е. А. Крейнович [4; 5].

Например,

Единственное число Множественное число

I М 'эт-эк кэчи-л М 'ит-эк кэчи-л

II Т 'эт-эк кэчи-л Т 'ит-эк кэчи-л

III Туд 'эл кэчи-л Титт 'эл кэчи-ну-л

Освобождение глагола, с позиции Е. А. Крейновича, от грамматически акцентированных средств обозначения предикативности позиционирует его [глагол] как второстепенный признак подлежащего, выраженного именем существительным или личным местоимением. Суффикс -ну- в данном случае (3-е лицо, мн. число) представляет собой показатель множественности субъекта действия и составляет элемент основы глагола (тоже самое в будущем времени: *титт 'эл кэчи-ну-т*) [4].

Эти частные формы глагола, которые при переводе следует обозначать как «принесший», тождественны неопределенной форме [глагола] в русском языке [1].

Также заслуживает особого внимания и частная форма глагола обладания в колымском диалекте юкагирского языка. Подобный глаголу «иметь» в русском языке, в юкагирском он отсутствует, в связи с чем для выражения в речи предикативной посессивности (притяжательности) используются глагольные формы, образованные от имен существительных при помощи суффикса -н'э или н'.

Таким образом, глагол обладания образуется от существительного следующим путем:

- а) -н'э- следует после основы с контрастивной слоговой оппозицией, которая заканчивается «тяжелым» слогом;
- б) -н'э- следует после основы, состоящей из двух «легких» слогов;
- в) -н' следует после основы, заканчивающейся «легким» слогом [2; 11; 12; 13].

Например,

аман 'э (иметь отца), *мэт кинигэ 'н' д' э* (у меня есть книга)

Далее, -н'э- и -н' как бывший алломорф подвергается определенной трансформации и изменяется, принимая вид морфемы -н'из- и -н'аа- перед суффиксами -л'эл-, -ну-, -нун-. Данные производные формы глагола являются непереходными (интранзитивными) и используются в контексте следующих тождеств: «иметь что-либо» = «быть с этим чем-либо» [13].

В типичной частной структуре обладатель и существительное содержащее глагол обладания, представляют субъекта обладания:

Мэт кинигэ 'н' д' э (у меня есть книга).

Данный субъект может быть выражен таким образом, когда существительное в соответствующем глаголе выражает свойство или функцию субъекта обладания:

Чолъораа диэ лэ уө н' э ни (в детстве у них был заяц) [13].

Частные глаголы, согласно позиции И. Нагасаки, могут встречаться не только как предикаты основных предложений, как, например, *мэт кинигэ 'н' д' э* и *чолъораа диэ лэ уө н' э ни*, но и также, как предикатив [3] выраженный именной частью составного именного сказуемого, указывающего на направленное действие в значении присоединения, добавления, близости соотнесенности с чем-либо, или наречие [13]:

Тудэл ооши-н'э-дъвэдро-к кэт'ши-мэлэ (Он/она принес (-ла) ведро с водой).

В одном из своих трудов Е. А. Крейнович (Крейнович, 1982) осуществляет глубокий анализ грамматики двух диалектов юкагиров, выявляя при этом проблему глагольности и предикативности как наиболее сложную и трудно идентифицируемую. Указывая на то, что в юкагирском языке такие вспомогательные глаголы как *стать*, *иметь*, *быть* отсутствуют, он функцию вспомогательного глагола определял для суффикса -но- [4].

Однако, с точки зрения Э. С. Атласовой (Атласова, 2011), данные функции необходимо соотносить со следующими суффиксами:

- а) -нол-, который передает значение *быть*;
- б) -нола-, передающий значение *стать*;
- в) -н'э-, передающий значение *иметь*.

Например,

амано (быть отцом), *аман 'э* (иметь отца), *аманола* (стать отцом)

Таким образом, от имен существительных при помощи вышеуказанных суффиксов образуются новые осно-

вы, которые, по мнению Е. А. Крейновича, нельзя отождествлять в предиктивными формами:

амал'эн, тэн амал'эн (это отец).

Основы же *амано* (быть отцом), *аман'э* (иметь отца), *аманола* (стать отцом) могут спрягаться, в связи с чем их стоит относить к разряду глаголов [1; 4].

В этой связи, непереходные глаголы в юкагирском языке могут быть классифицированы как собственно непереходные, предметные непереходные, качественные непереходные и количественные непереходные. Формы процессива характеризуются передаваемыми качественными, процессуальными, количественными признаками. Сам же процессив имеет грамматические категории «переходность/непереходность», «залог», «способ действия» и пр., а частные его формы могут быть представлены как предикативные, деепричастные и определительные [1; 4; 6].

Особое внимание к вспомогательному глаголу *иметь* как глаголу проприетивному (частному), не имеющего соответствующего аналога в русском, английском и других западноевропейских языках, уделено в исследованиях И. Нагасаки, в рамках которого синтаксис глагола обладания имеет некоторые вариации, объясняющие тип связи или отношений между субъектом действия и субъектом обладания. Анализируя характерные черты лексико-грамматических конструкций с лексикографическими способами представления частного глагола в контексте их информационной структуры, автор показывает, что несмотря на то, что «проприетивный» суффикс позволяет образовать глагол от имени существительного, производные, в определенной степени, сохраняют свои *nominal*-свойства [13].

Модификатор, предшествующий производной основе, семантически преобразует существительное в производную глагольную форму. Воспроизведение существительного в производной может быть характерным в следующих примерах:

а) *иркин мартл'уө-н' аа-л'эл- ги* (у них была дочь, <в значении «одна»>) — с содержанием количественного числительного [10];

б) *нугэн-н'э-т нодь-н'э-т* (руки и ноги имеющий) — с содержанием собственно существительного;

в) *иркин терикиэ-диэ-дьюкоо-д'э уө-н'э-л'эл* (у одной женщины, <в значении «из двух семей»>, был маленький ребенок) — с содержанием глагола в форме причастия: *дьюкоо-д'э уө-н'э-л'эл*;

г) *иркин мартл'уө-н' аа-л'эл- ги* (у них была дочь) и *тан титтэ мартл'уө-гэлэ кэдиэл- гинтади-л'эл- наа-терикэ-д-оон* (они отдали свою дочь замуж за волка) — с содержанием модификаций глаголов обладания: *иркин мартл'уө-н' аа-л'эл- ги / тан титтэ мартл'уө-гэлэ...*, в контексте которого имя существительное *мартл'уө* воспроизводится при помощи демонстративной указательной детерминанты *тан* (это) — *тан титтэ* (это они) и т.д. [13].

Такие языковые конструкции, в которых не употребляемы другие *denominal*-глаголы (помимо суффикса обладания в колымском диалекте юкагирского языка присутствуют два *denominal*-суффикса -дэ- и -тэ-, из которых первый (образует непереходные глаголы) обозначает «получить что-либо», а второй (образует переходные глаголы) — «дать что-либо» [4]), рассматриваются как особый частный тип глаголов колымского диалекта юкагирского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атласова, Э. С. Проблема причастных образований в юкагирском языке / Э. С. Атласова // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 7. — С. 368–369.
2. Аммосова, С. Е. Фонетика юкагирского языка / С. Е. Аммосова // Молодой ученый. — 2016. — № 9. — С. 1249–1250.
3. Красухин, К. Г. Предикаты состояния / К. Г. Красухин // Лесной вестник / Forestry bulletin. — 2003. — № 4. — С. 77–86.
4. Крейнович, Е. А. Исследования и материалы по юкагирскому языку / Е. А. Крейнович. — Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1982. — 304 с.
5. Крейнович, Е. А. Юкагирский язык / Е. А. Крейнович. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — 288 с.
6. Курилов, Г. Н. Лексикология современного юкагирского языка: развитие лексики и роль якутского языка в заимствованиях: Дисс. . . д-ра. . . филолог. наук / Г. Н. Курилов. — Якутск, 2000. — 255 с.
7. Лукина, М. П. Особенности морфологического способа образования глаголов косвенной засвидетельствованности в юкагирском языке / М. П. Лукина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 7–2 (85). — С. 352–357.
8. Прокопьева, А. Е. Образование причастия колымского диалекта юкагирского языка на =йэ: морфологические особенности и грамматические функции / А. Е. Прокопьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 7–2 (73). — С. 145–148.
9. Прокопьева, П. Е. Автобиографические рассказы юкагириков / П. Е. Прокопьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 9–3 (63). — С. 44–49.

10. Прокопьева, П. Е. Словообразование порядковых числительных в языке лесных юкагиров / П. Е. Прокопьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 10–2 (76). — С. 148–150.
11. Узбекова, Г. М. Некоторые особенности структуры слога в языке / Г. М. Узбекова, А. А. Рузмуратова // Молодой ученый. — 2015. — № 3. — С. 974–976.
12. Черногор, Ю. Ф. О роли слогового веса в определении акцентных моделей суффиксальных дериватов английского языка / Ю. Ф. Черногор // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. — 2007. — № 2. — С. 176–180.
13. Nagasaki, Iku. On Kolyma Yukaghir propriative verbs [Electronic resource] / Iku Nagasaki // Tomsk Journal LING & ANTHRO. LINGUISTIC RESEARCH. — 2014. — 1 (3). — Pp. 15–22. — Access mode: <https://ling.tspu.edu.ru/archive.html>

© Атласова Элида Спиридоновна (atlas_elli@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-восточный федеральный университет им М. К. Аммосова